

Ци Бай и Лан Цзэ поднялись по внешней тропе Чёрной Горы и вышли на широкий каменный уступ — ровную площадку примерно двадцать метров в длину и десять в ширину.

С этой высоты открывался захватывающий вид: до самого горизонта простиралось бескрайнее море лесов. Снег, укрывший ветви деревьев, казался мириадами распутившихся белых цветов, и от этого безмолвного великолепия захватывало дух.

Ци Бай вдохнул полной грудью, чувствуя, как внутри разливается удивительное спокойствие. Теперь он понимал, почему древние поэты посвящали горам свои самые возвышенные строки. Здесь, перед лицом столь мощной и первозданной жизненной силы природы, любые тревоги казались мелкими и незначительными.

По каньону разносилось эхо — мерный стук камня о камень. Это соплеменники уже принялись за работу, и этот звук вплетался в тишину гор, словно странная первобытная музыка.

Ци Бай обернулся. За площадкой высилась суровая скальная стена. Даже на этом небольшом отрезке природа создала два совершенно разных пейзажа. Слева скала уходила вниз неровными террасами и выступами, создавая причудливый ритмичный рисунок. Справа же склон обрывался резко, будто какой-то великан полоснул по горе исполинским топором, оставив идеально ровный скл.

Это и было место, которое выбрали Ци Бай и Лан Цзэ. Здесь скоро будет их дом.

Юноша сложил инструменты, принесённые из общей пещеры, прямо на снег и направился к лесу, примыкающему к скале. Прежде чем вгрызаться в камень, нужно было расчистить площадку.

Ци Бай планировал, что его спальня будет находиться на одном уровне с пещерой Лан Цзэ. Ему не хоромы были нужны — сорока или пятидесяти квадратных метров для одного вполне достаточно. Если со временем станет тесно, всегда можно будет углубиться дальше в скалу.

Но главной изюминкой его будущего жилища была не комната, а кухня, которую он задумал пристроить снаружи.

Именно ради неё Ци Бай и выбрал этот участок, который остальные сочли неудобным. Те самые нагромождения камней высотой в полчеловека, пугавшие других своей громоздкостью, идеально подходили для его задумки. Он планировал постепенно вытесать из них кухонный очаг, каменные столы и скамьи. А над всей этой зоной Ци Бай хотел возвести изящный бамбуковый навес, который защитит от дождя и ветра.

Летом можно будет поднимать бамбуковые шторы, подставляя лицо прохладному бризу, а

зимой — укрывать всё толстым слоем сухой травы и шкур, сохраняя тепло очага. От одних только мыслей об этом уюте на душе становилось теплее.

Впрочем, обустройство могло и подождать. Сейчас первоочередной задачей было высечь в скале хотя бы небольшое убежище, где можно было бы переночевать.

Схватив каменный молот, Ци Бай подбежал к Лан Цзэ, который тоже всю расчищал снег.

— Лан Цзэ, ты уже решил, где именно будешь рубить вход?

Лан Цзэ на мгновение замер. Раньше его племя жило в степях, и все обитали в шатрах. Позже, попав в рабство, он жил в землянках, вырытых прямо в мягкой почве. Пещеру в скале он вырубал впервые, поэтому решил просто сделать нечто похожее на общую пещеру, только поменьше.

Выслушав его, Ци Бай покачал головой:

— В общей пещере вход слишком широкий, и ветер задувает прямо внутрь. Зимой там будет не до тепла. Я думаю, нам нужно рубить вход сбоку, под углом.

Он с энтузиазмом принялся чертить на скале. До этого он планировал только своё жильё, но теперь, когда Лан Цзэ стал соседом, планировку можно было немного подправить.

Посреди скальной стены Ци Бай наметил два прямоугольных проёма. Поскольку в зверином обличье Лан Цзэ был огромен, Ци Бай намеренно сделал дверь соседа выше и шире, чтобы тот мог свободно входить и выходить.

Отступив на шаг, он пояснил:

— Смотри, мы сначала прорубим короткий проход вглубь, а уже потом начнём расширять пещеры в стороны. Так холодный воздух не будет бить прямо в жилую часть. А когда будет время, сделаем из дерева настоящие двери. Заткнём проёмы — и станет совсем тепло.

Лан Цзэ не имел ничего против. Придя к согласию, они взялись за каменные молоты.

Однако работа в ледяной крошке и на лютom морозе оказалась испытанием не для слабых. Каменные резцы и молоты, которые Ци Бай принёс с собой, крошились и ломались один за другим, а на скале оставались лишь неглубокие вмятины. Благо, в крепком камне на Чёрной Горе недостатка не было: стоило одному инструменту прийти в негодность, Ци Бай тут же мастерил новый из обломков.

Несмотря на трудности, юноша и не думал сдаваться. Напротив, в нём проснулся азарт.

Каждое усилие приближало его к мечте о собственном доме, построенном своими руками.

Разумеется, не только они столкнулись с трудностями — всё племя сейчас сражалось с твёрдым камнем. Но эти тяготы, как ни странно, дарили людям спокойствие. Все они только что пережили великое наводнение и знали: такая каменная крепость не боится никакой воды. Только в каменном доме можно было спать спокойно, не опасаясь, что зверь подкрадётся со спины через тонкую стену.

Лишь когда голос Ян Ло эхом раскатился по каньону, соплеменники заметили, как сильно стемнело.

Снег повалил густыми хлопьями. Ветер в долине усилился, он подхватывал наст и кружил его в безумном танце с падающими снежинками, словно затеяв весёлую игру в сумерках.

Лан Цзэ, услышав зов жреца, поднял голову и посмотрел на Ци Бая:

— Идём. Пора ужинать.

Ци Бай потёр занемевшие от холода руки. Глянув в сторону соседа, он заметил, что тот продвинулся гораздо дальше — его пещера уже заметно углубилась в скалу.

Оставив инструменты у входа, они налегке вернулись в общую пещеру.

Там было шумно и многолюдно. Люди, сжимая в руках свои бамбуковые чаши, бурно обсуждали тонкости работы с камнем. У костра в центре уже собралась толпа. Ци Бай с бамбуковым тубусом протиснулся поближе и увидел, что сегодня еду раздавали не Ху Сюэ и Шэ Ли, а сам Ян Ло вместе с Чжу Чжу.

Ци Бай сделал небольшой глоток горячего бульона. Тепло мгновенно разлилось по телу, и только тогда он почувствовал, как сильно продрог и насколько немели его пальцы.

Когда каждый получил свою порцию горячего тушёного мяса, Ян Ло отложил черпак и медленно поднялся на каменные ступени в глубине пещеры. Шкура чёрного медведя всё так же висела за его спиной, словно молчаливый свидетель их жизни.

Эта картина была такой знакомой, что Ци Бай внезапно осознал: прошёл уже целый месяц с тех пор, как он оказался в этом мире. За этот месяц он успел спастись от потопа и обрести кров в этой скромной пещере. Возможно, именно здесь он пустит корни. Жизнь была полна трудностей, о которых он раньше и помыслить не мог, но в сердце его жило странное, незнакомое прежде чувство удовлетворения.

В отличие от их первой встречи в этой пещере, когда в глазах каждого читалась неуверенность, теперь у всех была цель. Даже голос Ян Ло звучал бодрее — ведь на этот раз за

его спиной громоздились горы припасов.

Жрец с улыбкой махнул рукой, и Сунь Цин с помощниками вынесли на ступени несколько больших плетёных корзин.

Ян Ло сложил руки на груди:

— Племя Чёрной Горы встречает свою первую зиму. Бог Зверей благословит каждого соплеменника, чтобы мы провели эти холода в мире и достатке.

Ци Бай вместе со всеми склонил голову:

— Бог Зверей благословит нас.

— Все зверолоуды, начинающие самостоятельную жизнь, получают свою долю припасов. Даже рабы. Но помните: то, что вы получаете, не падает с неба. Это дар вашего щедрого племени.

Ян Ло высоко поднял руки:

— Племя Чёрной Горы!

— Племя Чёрной Горы! — в едином порыве отозвались голоса. — Племя Чёрной Горы!

В этой почти торжественной атмосфере Ян Ло начал раздавать зимние запасы. Ци Бай никак не ожидал, что первым назовут именно его имя.

Соплеменники радостно закричали, приветствуя его. Ци Бай, смущённо улыбаясь, огляделся по сторонам, а сидевший рядом Шу Линь просто подтолкнул его в спину, заставляя подняться.

Ци Бай прошёл сквозь ликующую толпу и поднялся на ступени. Впервые он стоял так высоко и видел лица всех своих соплеменников сразу. Он видел сияющего от гордости Хоу Яня, видел, как Шу Линь и Чжу Я машут ему руками, и, конечно, заметил Лан Цзэ, который смотрел на него с мягкой, едва заметной улыбкой...

Сам того не замечая, Ци Бай расплылся в улыбке, обнажив ряд ровных белых зубов, а кончики его ушей предательски покраснели.

Ян Ло достал два увесистых куска мяса, общим весом около пяти цзиней, и велел Сунь Цину отсыпать полкорзины сладкого картофеля.

Ци Бай, помогавший раньше в расчётах, сразу понял, сколько еды причитается каждому. Глядя

на эти припасы, он уже знал ответ.

И действительно, голос Ян Ло зазвучал на всю пещеру, объясняя правила всем остальным:

— Это твоя еда на следующие десять дней. Все молодые зверолоуды, отселившиеся в собственные пещеры, получают столько же. Через десять дней я выдам вам новую порцию.

Затем жрец вручил ему небольшой бамбуковый тубус, доверху наполненный солью, и целую оленью шкуру.

— Кроме того, каждый получит по такому тубусу соли. Этого должно хватить на всю зиму. Если соль закончится раньше, вам придётся выменивать её на свои товары, — он высоко поднял мастерски выделанную шкуру. — И, конечно, каждый получает по одной шкуре зверя.

Ян Ло замолчал, внимательно разглядывая странное одеяние Ци Бая.

— Этой шкурой вы вольны распоряжаться как хотите. Можете укрываться ею, а можете, как Бао Бай, сделать из неё одежду, которую будете носить на себе.

Едва жрец договорил, как глаза Ту Я и Нью Си восторженно заблестели. Будь Ту Я сейчас в облике кролика, её уши наверняка бы вытянулись в струнку от радости.

Ци Бай с сияющим видом принял припасы. Кто же откажется от лишнего имущества? К тому же, теперь у него была вторая шкура, и не нужно будет снимать жилет на ночь, чтобы использовать его как одеяло.

Но когда Ци Бай решил, что на этом всё, Ян Ло неожиданно достал ещё две шкуры.

— Бао Бай принёс огромную пользу нашему племени. Его ловушки для кабанов, плетёные корзины и коромысла облегчили жизнь каждому из нас. Именно благодаря его идеям мы смогли подготовить столько припасов к зиме. Эти две шкуры — награда племени для Бао Бая.

Только сейчас многие соплеменники осознали, насколько прочно в их быт вошли вещи, созданные Ци Баем. Более того, теперь каждый мечтал научиться у него шить одежду.

В глазах людей Ци Бай стал вторым по мудрости в племени после жреца. То, что он был ещё совсем юн, ничуть не мешало общему уважению. Никто не возражал — напротив, многие считали, что он заслуживает ещё большей награды.

Теперь Ци Бай покраснел уже по-настоящему. Он делал всё это не ради наград, да и не считал себя изобретателем — он просто использовал знания, которые были ему доступны.

Ян Ло вложил шкуры ему в руки и осторожно коснулся ладонью лба юноши:

— Мудрость — величайшее сокровище звероловов. Дитя Бога Зверей, помни: только знания делают нас по-настоящему сильными.

Ци Бай невольно зажмурился. Голос Ян Ло, казалось, тёплым потоком передавался через его ладонь, и всё волнение в душе юноши мгновенно улеглось.

Раньше Ци Бай уважал Ян Ло скорее как старшего по возрасту, а к его торжественным жестам и ритуальным интонациям относился как к привычной формальности.

Но в этот миг он наконец понял чувства своих соплеменников. Это не было слепым поклонением жрецу — это была потребность в духовной опоре, в ком-то, кто связывал их с чем-то большим.

Когда Ян Ло убрал руку, Ци Бай медленно открыл глаза. В глубине его взгляда на миг промелькнула едва заметная растерянность, но это странное чувство быстро исчезло.

Жрец не заметил ничего необычного. Он громко объявил всем присутствующим:

— С этого дня любой, кто принесёт пользу племени, будет вознаграждён!

Раз это становилось правилом, у Ци Бая не было причин отказываться. Он сложил мясо и соль в корзину к сладкому картофелю, набросил три шкуры на плечо и, подхватив корзину, вернулся в свой угол.

Сидевший рядом Шу Линь тут же с любопытством сунул нос в его запасы. Мясо было свежим — видимо, пока остальные рубили камень, Ян Ло и другие не сидели сложа руки. Добыча, которую воины принесли вчера, уже была разделана и распределена.

Один за другим соплеменники подходили к жрецу за своей долей.

Ци Бай заметил одну важную деталь: пайки, которые выдавали рабам, были значительно больше тех, что они со жрецом рассчитывали изначально. По старым прикидкам, взрослый воин вроде Лан Цзэ должен был получать столько же еды, сколько юный азверолод Ци Бай. Теперь же доля Лан Цзэ была заметно больше.

Ци Бай взглянул на Ян Ло: тот старался сохранять благостную улыбку, хотя уголки его губ слегка подрагивали от напряжения. Юноша невольно прыснул в кулак. Было ли это вызвано тем, что жрец всё ещё побаивался Лан Цзэ, или же старик действительно пересмотрел свои взгляды — такие перемены Ци Бая только радовали.

Впрочем, долго подшучивать над жрецом ему не пришлось. Скоро он сам стал самым занятым человеком в пещере: те, кто получил шкуры, потянулись к нему со всех сторон, наперебой прося научить их шить одежду.

А Лан Цзэ, на котором уже красовался меховой жилет, незаметно для всех ускользнул из пещеры в ночную тьму.

<http://bllate.org/book/15816/1433534>